

О русской песне и её хранителя

В мае мы с группой молодых писателей были на Донбассе, в поездке, организованной Союзом писателей России. Путь наш был по-настоящему тяжёлым: четыре дня в автобусе с одной ночёвкой в гостинице почти лишили сил, а если учитывать ещё и состояние дорог в Луганске, где сто километров можно ехать три часа... Уверена, что пережили эту бесконечную тряску писатели только благодаря спасительному баяну, на котором играл один из участников нашей почётной экспедиции, композитор Владимир Комаров.

ПЕВЦЫ

Сначала, воодушевлённые большой миссией, мы уткнулись в книги, кто-то, оправдывая членство в Союзе писателей, даже начал писать свои. Так мы провели время до ночи, автобус сильно задержался, и воронежские ребята, которых мы должны были подхватить вечером, ждали нас в лесу у костра четыре часа. Ввалившись в салон, они красочно описали нам своё времяпрепровождение. Начала накатывать усталость. Но тут зазвучал баян, ему подпели вновь пришедшие, а потом и остальные подтянулись в середину автобуса. С того времени баянист, человек уже совсем не молодой, не давал писателям уйти в свои невесёлые мысли. Как только песня затихала, он опять заводил мелодию, раззадоривая ребят, а они просто не могли не подпеть. И всем вдруг становилось чуть легче, голод и разбитость уходили на второй план, оставалась только музыка, которая верно вела нас к цели.

Пели и на разрушенной в ходе боёв две тысячи четырнадцатого года Саур-Могиле, стояли около обломков обелиска и твёрдо гремели "День Победы". И удивительное дело: мы часто репетировали эту песню в школе как нечто обязательное, скорее даже формальное. А тут в ней отчётливо зазвучали жизнь и смерть... Делегация писателей, школьники, военные – мне казалось, что все мы пели прямо в небо. Продувной ветер сушил наши слёзы и разносил голоса на многие необозримые километры вокруг. Песня побывала с нами везде: и в Луганской библиотеке им. М. Горького, и в мемориальном музее, и в гостинице, где мы остановились на одну ночь и заново знакомились под гитарные переборы.

Не знаю, выдержали ли бы мы эту поездку, если бы не постоянное напоминание баяна о том, что надо продолжать звучать, стряхивать с себя противную дрёму и делать дело, для которого мы снарядились в этот безусловно тяжёлый путь. Наверное, выдержали бы, куда бы мы делись! А всё-таки... Теперь, когда я вспоминаю о Донбассе, внутри меня звучит песня, спетая голосами моих стойких товарищей-литераторов.

Песня объединила нас, собрала вместе, сделала ближе, чем мог бы сделать любой долгий разговор. И произошло это благодаря человеку, владеющему тайной музыки, человеку с баяном, концентрирующему вокруг себя реальность.

Вот и герой моего очерка, певец Геннадий Аркадьевич Каменный, объединяет своим исполнением залы в России и за её пределами, живёт музыкой, пробуждает от повседневности тысячи людей, делает их трудные жизненные дороги легче.

Помню, как в подростковом возрасте меня поразил рассказ “Певцы” из “Записок охотника” И. С. Тургенева. После знакомства с Каменным он приобретает новое звучание. Напомню сюжет: в деревенском кабаке происходит состязание двух певцов: фабричного паренька Якова-Турка и, по определению Тургенева, “мещанина”-рядчика. Первым по жребию выпадает петь рядчику, он поражает слушателей мастерством исполнения, певческими приёмами. И когда все уже думают, что победа по праву достанется ему, в соревнование вступает Яков-Турок, и разливается в воздухе тайна народного исполнения. Без всяких голосовых эффектов парню удаётся ввести всех в состояние экзальтации: “Он пел, и от каждого звука его голоса веяло чем-то родным и необозримо широким, словно знакомая степь раскрывалась перед вами, уходя в бесконечную даль. У меня, я чувствовал, закипали на сердце и поднимались к глазам слёзы; глухие, сдержанные рыдания внезапно поразили меня...” Конфликт мастерства и таланта, Моцарта и Сальери всегда казался очевидным: по-настоящему живое и природное будет жить вечно, а выученное, созданное искусственно вспыхнет и погаснет, уйдёт.

Однако творчество Геннадия Каменного в этом контексте является симбиозом двух художественных позиций. В нашем долгом разговоре певец постоянно делал акцент на двух важных мыслях — “петь надо учиться полжизни” и “у любого артиста должна быть своя краска, индивидуальность”. Кажется, что бесконечные поиски в расширении репертуара и певческого диапазона, желание исполнять разные типы песен — это и есть школа, мастеровитость, музыкальная дисциплина Сальери. Но нет и не может быть тут никакого конфликта с Моцартом, ведь родившийся в Почепе Брянской области Каменный особенно остро чувствует стихию народного мелоса, а поступать в мастерскую эстрадного искусства он приехал с дипломом об окончании музыкального училища по классу баяна, который и стал той самой “краской”, главной музыкальной загадкой. Да что и говорить, если даже фамилия артиста — большая волшебная случайность. Судьба подарила человеку по фамилии Каменный голос лирического тенора, и этот главный контраст повлёк за собой многие другие, не столь очевидные, но не менее важные...

ОСОБЕННОСТЬ И УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ

Народный артист Геннадий Аркадьевич Каменный вспоминает яркий случай из своего детства: “Посёлок Рамасуха, недалеко от моего родного Почепа: соседи пригласили родителей на деревенскую посиделку, мне было где-то примерно четыре года. Деревенская компания, выпили не только чай, начали петь песню — как я потом узнал, популярную в те годы песню, “Далеко-далеко, где кочуют туманы”, музыка Г. Носова на стихи А. Чуркина. И я начал возмущаться, говорю: “Не надо петь, вы плохо поёте!” Не знаю, может, я спать хотел, но за своё поведение был наказан и — образно — отправлен спать на печку”. Кажется, не только желание спать было причиной такой резкой отповеди, но обострённое чувство вкуса, которое проявилось у певца с самых ранних лет. Нежная, пронзительная песня об ожидании длиною в жизнь, о встрече и разлуке в неумелом исполнении настолько отозвалась в четырёхлетнем Каменном, что он не смог сдержать искренне обидных и обиженных слов.

*Далеко-далеко,
Где кочуют туманы,
Где от лёгкого ветра
Колышется рожь,
Ты в родимом краю,
У степного кургана,*

*Обо мне вспоминая,
Как прежде, живёшь...*

И только потом, уже обучаясь во Всероссийской творческой мастерской эстрадного искусства (ВТМЭИ), артист узнал, что песня эта – из репертуара Георгия Павловича Виноградова, первого учителя Каменного, который преподавал ему важные уроки музыки и жизни.

Именно благодаря Виноградову певец поступил в желанную мастерскую. В первый раз один из педагогов мастерской, который пел оперетту, не увидел в юноше большого таланта, и попытка поступить окончилась неудачей. А вот со второго “захода” звёзды-таки выстроились в нужном порядке.

Каменный рассказал Виноградову, что закончил училище по классу баяна, поёт в самодеятельности, скорее для себя, а хочется большего, настоящего. И талантливый педагог сразу зажёгся: “Давай мы сделаем так, – предложил Виноградов, – с оркестром ты будешь петь, но на сцене важна индивидуальность, самобытность, если ты будешь делать то, чего не делают все, – значит, что у тебя есть перспектива!” Этими словами первый учитель навсегда определил одну из главных составляющих сценического образа будущего народного артиста. Самобытной и индивидуальной чертой для Каменного стал баян. Именно этот инструмент стал неповторимой “краской”, как говорит сам Геннадий Аркадьевич. Вот, например, он вспоминает об одном из своих самых удачных выступлений: “Как-то был огромный концерт в зале Чайковского, участвовало около сорока певцов, которые должны были спеть одну песню с оркестром. И вот я думаю: что мне делать, как мне отличиться? Огромный зал Чайковского, публики за тысячу, я взял баян, спустился вниз и спел без микрофона, передвигаясь по залу, “Какая песня без баяна?” Это же особинка – без микрофона озвучить этот зал! Меня потом, через многие годы, встречали люди и говорили: это Вы пели ту песню тогда? Не забыли это выступление. Надо находить такие приёмы, чтобы не быть похожим на других”.

Помимо того, что Виноградов помог Каменному осознать его сильные стороны, индивидуальную особенность, своим исполнением мастер также преподавал ученику урок творческой универсальности, которому Геннадий Аркадьевич следует всю жизнь. “Сейчас как опытный певец я понимаю: не каждый может исполнять и советскую песню, и эстрадную, и романс, и классику, и русскую... А вот Виноградов всё это мог! Певец высочайшей музыкальной культуры. Интонация, дикция, музыкальный вкус, каждый такт в цель”.

“РЯЗАНСКИЕ МАДОННЫ...”

Тогда же, при поступлении в ВТМЭИ Виноградов представил Каменного директору вокальной мастерской, артисту и режиссёру Леониду Семёновичу Маслюкову. Маслюков обладал даром замечать и открывать таланты, увидеть в молодом человеке нечто особенное и показать это, прежде всего, ему самому. В ВТМЭИ, по воспоминаниям Каменного, царила атмосфера доброго соучастия: в виде пожеланий давали друг другу советы артисты вокального, инструментального, танцевального, свободного жанров; а также студенты, которые изучали пантомиму и хореографию. Искусства в ВТМЭИ были представлены во всей своей пестроте и объёме.

Леонид Семёнович Маслюков любил музыку, баян, сам играл на концертино. Увидев молодого певца, он наказал ему вернуться к себе в деревню, выучить песню “Рязанские мадонны” (музыка А. Долуханяна, слова А. Поперечного) и, аккомпанируя себе на баяне, спеть её по возвращении. Каменный рассказывает, что не сильно обрадовался этому заданию: “Естественно, я немного расстроился, потому что мне хотелось петь эстрадные песни, стильным быть, волосатым, брюки клёш и всё такое... И тем более, что певец должен дышать, а баян, купленный в Туле моими родителями у местных умельцев, тяжёлый был: весил восемнадцать килограмм. Но, как меня учил потом Маслюков: на сцене перед людьми, которые пришли к тебе на концерт, никого не касается, болит у тебя что-то, тяжело ли тебе, некомфортно – на сцене ты должен улыбаться, делать вид, что тебе хорошо”. Несмотря на все сложности, артист выучил песню и победоносно вернулся на решающее прослушивание. Ему предстояло петь перед будущими коллегами, начинающими режиссёрами и певцами со всего СССР, и, понятное дело, это значительно

поднимало градус волнения. Но когда Каменный начал петь, он с удивлением обнаружил, что Маслюков плачет, и это стало для него самой высокой оценкой.

Песня “Рязанские мадонны” – это, безусловно, режиссёрский успех Маслюкова. Тогда её пела Людмила Зыкина, и исполнение её казалось молодому певцу абсолютным эталоном: “Я думал, это женская песня, – признаётся Каменный, – но потом посмотрел текст: нет, совершенно нет! И сейчас, несколько месяцев тому назад, я записал эту песню и обязательно буду исполнять её на концертах. Замечательная мелодия, замечательные стихи Анатолия Поперечного. А почему Маслюков дал мне её? Наверное, потому что увидел суть – в моём исполнении! Я ведь лирический тенор, думал, что это женская песня – а вот какой Маслюков сделал ход”.

Зорким глазом и чутким ухом режиссёра увидел и услышал Маслюков эту песню, сотворённую звенящим голосом Каменного. Конечно, она вовсе не “женская”, хотя говорится в ней о женщинах. И заплакать тогда, признаться честно, было отчего даже самым крепким. Стоит только вчитаться в текст:

*Ты встаешь, как из тумана,
Раздвигая грудью рожь.
Ты ему навстречу, Анна,
Белым лебедем плывёшь.
Мягких трав великолепье,
Тишина у той тропы...
Но глухой разрыв над степью
Поднял землю на дыбы.*

*Уходят эшелоны,
И ты глядишь им вслед,
Рязанская мадонна,
Солдатка в двадцать лет.*

Жители Рязани с сожалением говорят, что в их городе нет памятников женщинам, совершившим подвиг во времена Великой Отечественной войны. Их звучащим монументом стала именно эта мелодия*. А можно было бы Рязанскую мадонну – изваять.

ПОСТАВЬТЕ ПАМЯТНИК ДЕРЕВНЕ

Поговорив об учителях, знаковых песнях, влияниях и спутниках творческой судьбы, перейдём к песне, которая является визитной карточкой Геннадия Аркадьевича Каменного, отражает его взгляды, гражданскую позицию и во многом – мировоззрение.

Песня “Поставьте памятник деревне” на стихи Н. А. Мельникова появилась в репертуаре Каменного с подачи бывшего губернатора Брянской области Ю. Е. Лодкина. Геннадий Аркадьевич так вспоминает об этом: “Это был где-то конец 90-х годов, период полной разрухи. Помню, посёлок мой в детстве кишел детьми, работа была у людей, не было такого, чтобы кто-то из мужчин ездил работать в Москву. А вот потом, когда началась перестройка, разрушился СССР, разрушилась и деревня. Не поворачивается язык назвать это песней, это крик миллионов людей, которые живут в провинции. Я молю Бога: может быть, сейчас эта песня потеряла актуальность? Вроде бы деревня начинает работать... Но по тем временам, когда я пел, люди и плакали, и крестились, и вставал зал”.

...Неудивительно, что зал так остро реагировал на эту песню, в ней – концентрированная боль народа, взгляд в безнадежное будущее, тяжёлое и горькое смирение:

*Поставьте памятник деревне
На Красной площади в Москве,
Там будут старые деревья,
Там будут яблоки в траве.*

* <https://tverdyi-znak.livejournal.com/177299.html>

*И покосившаяся хата
С крыльцом, рассыпавшимся в прах,
И мать убитого солдата
С позорной пенсией в руках.*

<...>

*Поставьте памятник деревне,
Чтоб показать хотя бы раз
То, как покорно, как безгневно
Деревня ждёт свой смертный час.
Ломали кости, рвали жилы,
Но ни протестов, ни борьбы,
Одно лишь “Господи помилуй!”
И вера в праведность судьбы.*

Для поэта, автора слов песни “Поставьте памятник деревне” Николая Мельникова тема потерянной деревни была отнюдь не чужда: сам он родился и вырос в посёлке на Брянщине и не забывал об этом даже тогда, когда стал успешным радиоведущим и писателем. Надо сказать, что это стихотворение у Мельникова – программное, преимущественно по нему и знают поэта, его часто цитируют и перепечатывают. Однако следует упомянуть ещё и о поэме “Русский крест”, вот уж действительно – главном поэтическом труде жизни Николая Алексеевича. Мысленно, как говорит жена Мельникова, Ю. И. Рудакова, писатель “работал” над поэмой семь лет, а фактически – семь дней, записав её разом в больнице. Произведение это, энергично и хлёстко написанное, повествует о селе Петровский Скит, где “Местный сторож, однорукий // инвалид Иван Росток // протрезвился, и от скуки // кисло смотрит на восток”. От бессонницы Росток решает сходить к старцу Федосею, которого деревенские считают не то колдуном, не то отчаянным боговерцем. И вдруг Иван прозревает, вспоминает и обретает свою древнюю фамилию основателей Петровского Скита: маленький и неказистый мужичок Росток становится Иваном Ростовым. Вместе с настоящим именем возрождается и достоинство, появляются вера и дело всей жизни. Ростов сколачивает крест, который носит на себе в наказание за прошлые грехи; в новом нравственном облике лирический герой уговаривает односельчан восстановить разрушенный храм, что и происходит уже после его смерти.

Сохраняется и трансформируется главный мотив стихотворения “Поставьте памятник деревне”, Мельников демонстрирует картины полной разрухи, вещественной и моральной, – спивающуюся, пропадающую деревню:

*В хатах тихо меркнут люди,
обнищавшие втройне,
и не знают, что же будет
в их деревне, в их стране.
Войны, ссылки, труд дешёвый,
принужденье и обман,
как тяжёлые оковы,
крепко спутали крестьян.*

<...>

*Сколько ж это будет длиться —
молодой, в расцвете лет,
не нашёл опохмелиться
и покинул белый свет?
И при всём честном народе
в борозду, к земле упал.
Был ты весел, всем угоден...
Но ушёл... Сгорел... Пропал...*

Но есть выход из этого начинающегося ада, показывает нам его поэт с помощью образа Ивана, который смело взялся нести свой крест, направив остатки сил на созидание, возрождение: постройку храма. Преодолев саморазрушение, которым занимался всю свою сознательную жизнь.

Николай Мельников чувствовал ответственность за написанное, об этом свидетельствует эпизод, который передаёт жена поэта в интервью. Говоря

о том, что Мельников обладал большим артистическим талантом, она вспоминает: “Ему говорили: “Ты же будешь лучшим в “Аншлаге”, тебя узнает вся страна!” А он отвечал: “Я не могу, я же написал “Русский Крест”*.”

Геннадий Аркадьевич бывал на могиле рано ушедшего друга и автора одной из самых главных песен в своём репертуаре, сейчас говорит о нём с бесконечно тёплым чувством благодарности и сожаления. Важно, что этот “крик”, как называет его Каменный, слышал В. Г. Распутин, зримо показавший трагедию деревни в своих рассказах и повестях. Распутин поддерживал это музыкальное произведение, поддерживал его “тему”, вспоминает Геннадий Аркадьевич.

Действительно ли потеряла эта тема свою актуальность? Думается, что нет. Недавно Каменный включил в свой репертуар песню Юрия Краснощёва “Скажи, председатель, кому мы нужны?”, и она стала как бы продолжением “Поставьте памятник деревне”:

*Скажи, председатель, кому мы нужны?
Живём мы, как будто во время войны.*

*Колхозное поле быльём заросло,
В колхозном амбаре зерно проросло,
А в клубе скучает один баянист...
Кому, председатель, нужна эта жизнь?*

“А и правда, – грустно улыбается Каменный, – кому мы нужны? Председателю или, может быть, президенту?”

СОЛОВЬИ

Говоря о поэтах-песенниках, артист выделяет А. И. Фатьянова, песни на стихи которого занимают особенное место в его репертуаре. С большим удовольствием Геннадий Аркадьевич рассказывает о Фатьяновском фестивале, который проходит на родине поэта, в Вязниках: “Я думаю, что никогда бы фестиваля Фатьянова не было, если бы не супруга Фатьянова, Галина Николаевна. А ведь празднику уже больше сорока лет, и кого там только не было, все наши известные и выдающиеся! На одном фестивале несколько лет назад я участвовал в программе, где пел кумир моего детства Робертино Лоретти, тот, что исполняет “O sole mio”, итальянский мальчик. Передо мной выступал уже зрелый мужчина, я выходил петь после него, и ощущение было, что я встретился со своим детством!”

Многими творческими знакомствами обязан фестивалю Геннадий Аркадьевич, а потому этот праздник песни является для него важной точкой на музыкальной карте России. Каменный так характеризует творчество Фатьянова: “Очень нежная, добрая, лёгкая лирика. Вот почерк у человека, корявый или понятный, к Фатьянову относится второе. Безо всяких премудростей, но в самую суть”. В репертуаре Каменного действительно много фатьяновского, но особенно дороги ему песни “Где же вы теперь, друзья-однополчане?”, “Где ж ты, мой сад?”, “Если б гармошка умела”, “В городском саду”, и самая главная – “Соловьи” (музыка Соловьёва-Седого), о которой Каменный говорит с придыханием.

*Пришла и к нам на фронт весна,
Солдатам стало не до сна.
Не потому, что пушки бьют,
А потому, что вновь поют,
Забыв, что здесь идут бои,
Поют шальные соловьи...*

Композитор Василий Соловьёв-Седой рассказывал об этой песне, родившейся в гостинице “Москва”: “Однажды утром дверь моей комнаты открылась, на её пороге я увидел Алексея Фатьянова, молодцеватого, улыбающегося, с медалью на выцветшей фронтальной гимнастёрке. Соскучился я по Алексею

* <https://antiguo-hidalgo.livejournal.com/85666.html>

и его песням! Оказывается, он получил отпуск для работы со мной, привёз с собой две готовые песни, написанные им на фронте. Алексей тут же прочёл их, а я, сев за пианино, в то же утро написал к ним музыку. Это были “Соловьи” и “Ничего не говорила”. А потом композитор и поэт созвали гостиничный люд, играли перед ними и пели: так и состоялась премьера великой песни. Для Фатьянова же история её началась несколько раньше: “Помню фронт. В большой зелёной роще мы, солдаты, после только что затихшего боя лежим, отряхиваясь от крупинки засыпавшей нас земли, и вдруг слышим: вслед за растаявшим вдали рокотом вражеских самолётов, во всё горло, как бы утверждая жизнь, защёлкал соловей!”

ХРАНИТЕЛЬ ПЕСНИ

Год две тысячи восемнадцатый. Я еду на встречу с Геннадием Аркадьевичем Каменным и авторами, которые пишут о певце к его юбилею: Валерией Шавельевой, студенткой факультета журналистики, и нашим учителем, поэтом Александром Александровичем Бобровым. В метро листаю раздел “популярное в музыке” “ВКонтакте”.

Хотя телевизионная эстрада и музыкальные течения интернета в последнее время разمهжались, иногда случаются цензурные адаптации песен для радио. Интернет-культура развивается по своим законам, и даже ТВ больше не может это игнорировать: первым спохватывается Иван Ургант и порой зовёт в своё вечернее шоу популярных в молодёжных кругах артистов.

В разделе “популярное” вот уже недели четыре держится песня “Каждый раз” некоей Монеточки, двадцатилетней Елизаветы Гырдымовой из Екатеринбургa. Сладким, как сахар, голосом Лиза иронизирует над современным ей миром под несложные мелодии: “Кола – пш-ш, шум берёз, // в моде рэп и менуэты, // Сартр – это не всерьёз, // модернизма больше нету. // Не наврали про невроз // этикетки сигарет, и// Я такая пост-пост, // я такая мета-мета”. Иногда её музыкальная интонация превращается из ангельски-насмешливой в бичующую, претенциозную: “Кто рассказал вам, // как фотать в ванной // свечи на фоне ног?// Подбирать люстру к шторам // и шустрой вилкой // взбивать белок? // Что вы так рады? // Кто вам наврал, // что всё у вас хорошо? // Кто научил вас жить так, // быть такой глупою и смешной?”.

Секрет успеха прост: Монеточка, как когда-то Виктор Пелевин в литературе, создала герметичный художественный мир, наполненный верно считанными внешними приметами современности, тенденциями информационного общества потребления. Но, как и любое явление моментальной фиксации, песни Монеточки перестанут быть актуальными, когда изменится повестка, а происходит это достаточно быстро из-за ускоренного темпа жизни. Два года назад в моде были хипстеры, сейчас – девочки-подростки с цветными волосами и бокалом вина в руке (да, оказалось, даже из этого можно изобрести субкультуру!). Но пока это актуально, и все веселятся, слушая задорные песенки, наслаждаясь даже слишком очевидным контрастом: впечатление от резких песен Лизы такое, будто пятилетний ребёнок зачастую ругается матом. “Если б мне платили каждый раз, // Каждый раз, когда я думаю о тебе, // Я бы бомжевала возле трасс, // Я была бы самой бедной из людей”, – доносится, беснуясь, из каждого рядом сидящего наушника.

Но на самом деле, Монеточка – это то, с существованием чего ещё можно смириться. Ну, открывает людям глаза на бытовые привычки, мода пройдёт, слава закончится. А вот, например, Гречка (Монеточка, Гречка – возможно, артистки назвали себя по первым предметам, которые увидели в процессе записывания новой песни?), восемнадцатилетняя популярная певица Анастасия Иванова, поёт о мире деградировавшего двора, где “Слухи, сплетни, город мал, // Ты просто сидишь, никого не обидев, // Но каждый в округе знает, что ты – // Дура тупая и шкура простая”. Можно встретить в её творческой истории и произведения, посвящённые близким людям, с говорящими названиями: “Подружки-наркоманки”. И хотя Иванова говорит в своих интервью, что наркоманию, алкоголизм и моральное разложение она хочет показать с сугубо отрицательной стороны, звучит всё по-декадентски упоительно и даже совсем наоборот. Романтическая отстранённость, культивирование изменённого состояния – всё это не даёт особенной свободы в интерпретации: “Мои подружки-наркоманки // Тусуют круче, чем кто другой, //

Их глаза расскажут всю правду, // Что внутри них нет ничего". Замороженная пуста становится скорее объектом стремления и эмпатии для слушателя.

Но и это ещё не конец! За сравнительно безобидной музыкальной пост-иронией пришла настоящая катастрофа. Их называют рэпом "новой" школы, и образы свои они без всякого стеснения молодости позаимствовали у западных артистов. Я поверхностно слышала только о троих из них, молодых ребятах с чёрными блестящими каре и татуировками на лице (внешность здесь фактор определяющий): зовут их Face, Lizer и Flash. Все они только закончили школу и не перешагнули порог двадцати пяти лет. Не встречала ни одного человека, которому не было бы стыдно при упоминании "новой" школы, но регулярно слышу их песни из плееров подростков, которые катаются по паркам на скейтборде. И от того ещё грустнее. Особенно растиражирован Face, двадцатидвухлетний Иван Дрёмин из Уфы. Его творчество нередко состоит из повторения одной фразы. Недавно вот из сделанного на колёнке видео Дрёмин кичливо и бесконечно орал: "Я роняю Запад, у!", а в песне "Бургер" просто достиг апогея этой техники: "Она жрёт мой ***, как будто это бургер". А вот ещё некоторые строки: "Если рэп не даст мне денег – я ограблю магазин, // Я зарежу продавщицу, вынесу её мозги. // Старая ***, дай мне кассу, // Нажимает кнопку, и я вышибаю её разум"... Даже не склонная к рефлексии публика ютуба единогласно признала, что своими песнями молодой артист "пробил дно". Но это, пожалуй, всё же бесконечное падение.

Обозначенные персонажи музыкальной индустрии наконец позволили себе всё, что было можно. Это удивляет и восхищает свободолобивых подростков, но и бессознательно программирует их на такие же лёгкие ходы: сузить свой словарный запас до трёх матерных слов в нескольких вариациях, послать всех на них же, жить ради брендового слова на майке. Но я точно знаю, что они вырастут, как и их кумиры. Через два месяца Face сбреет волосы и запишет новый оппозиционный политический альбом, по поводу которого даст интервью "ВВС". И это уже заинтересует молодёжь меньше, гораздо меньше. Волна "хайпа" спадёт, и пена уйдёт, осядет. Через пятнадцать лет те, кто слушает рэпера сейчас, будут со смущением и смехом вспоминать далёкие времена. Это вечный процесс, и, я надеюсь, легко предсказуемый.

Просмотр популярных треков в интернете не заканчивается ничем хорошим. Тут не о чем спорить, это больше нельзя назвать песней, музыкой – это просто звуковые дорожки, которые вибрируют в мозгу электронными тактами. Русская песня, вообще песня ушла из массовой культуры. Её то ли замалчивают, то ли выживают, но до меня сквозь плотную шумовую заслонку она не доходит.

Я кладу телефон в сумку и выхожу на станции метро "Третьяковская". Геннадий Аркадьевич и Лера на месте, осталось дожидаться Александра Александровича. Мы садимся на скамейку, шуримся на солнце и слушаем соображения Каменного по поводу книги. Геннадий Аркадьевич объясняет нам, что бы ещё он хотел видеть в этой работе, кого мы не должны забыть упомянуть, для него это принципиальный, очень важный вопрос. Рядом по-волчьи бродит грязный, явно пьяный человек. Таких около метро можно встретить нередко. "Так, слушай, – и нам открывается совсем другой Каменный, – я тебе сейчас дам денег, только не пропей их, иди, поешь себе купи и больше не надоедай". Певец протягивает купюру, и лицо его сразу мрачнеет: "Вот просто не могу на это смотреть. Что со страной, с людьми сделали?" Теперь я ясно вижу: когда Геннадий Аркадьевич говорит в интервью, что переживает за страну, он не лукавит. На пару минут мы погружаемся в грустное молчание, нищий продолжает обход скамеек. Затем разговор возобновляется.

И вот, прямо посреди предложения, совершенно неожиданно, Каменный начинает петь! Красиво, тонко, как при мне никто и никогда не пел. Мы смущённо улыбаемся, переглядываемся с Лерой. Тяжёлое впечатление сменяется в моей душе умиротворением. Всё не так страшно, пока живёт настоящая музыка в истинных артистах, хранителях песни. И Геннадий Аркадьевич Каменный совершенно точно – один из них.

С 70-летием, русский певец!